

Известия Алтайского государственного университета. 2025. № 2 (142). С. 61–68.
Izvestiya of Altai State University. 2025. No 2 (142). P. 61–68.

Научная статья
ББК 63.3(5Каз)52
УДК 94(574)"18"

DOI: 10.14258/izvasu(2025)2-08

История восстания Кенесары Касымова в документальном дискурсе XIX в.

Игорь Русланович Прохоров

Национальный архив Республики Казахстан, Астана, Казахстан,
prohorov1974@mail.ru

Original article

History of Kenesary Kasymov's Rebellion in the Documentary Discourse of the 19th Century

Igor R. Prokhorov

National Archive of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan,
prohorov1974@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме деконструкции документального дискурса российской администрации и руководителя восстания султана Кенесары Касымова в 1820–1840-е гг. в Казахской степи. XIX в. — время активного взаимодействия казахов Среднего жуза, казаков и российских властей на сибирском фронтире России с Казахской степью. Ряд современников событий отмечают важнейшую роль среднеазиатских государств — Коканда и Хивы — в организации долгосрочного сопротивления российской администрации со стороны Кенесары Касымова. Российская администрация в документах старается особенно подчеркнуть связь Кенесары с иностранными державами, которые финансируют мятеж, снабжают его оружием; показать коварство султана, отказы мятежника соблюдать соглашения. В своих документах российские военные и администраторы стремятся показать, что они действуют против мятежного султана Кенесары в союзе с верными России казаками, которых в степи — большинство. Таким образом создавался документальный дискурс и формировались общественные представления о том, что Россия действует в интересах подавляющего большинства казахского общества.

Ключевые слова: Оренбург, казахи, сибирские казаки, Оренбургская пограничная комиссия, Кенесары Касымов, документальный дискурс, Владимир Обручев

Для цитирования: Прохоров И.Р. История восстания Кенесары Касымова в документальном дискурсе XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2025. № 2 (142). С. 61–68. DOI: 10.14258/izvasu (2025)2-08.

Abstract. The article is devoted to the problem of deconstruction of the documentary discourse of the Russian administration and the leader of the Sultan Kenesary Kasymov's rebellion in 1820–1840s in the Kazakh steppe. The 19th century was a time of active interaction between the Kazakhs of the Middle Juz, the Cossacks and the Russian authorities on Russia's Siberian frontier with the Kazakh Steppe. A number of contemporaries of the events note the crucial role of Central Asian states — Kokand and Khiva — in organizing long-term resistance to the Russian administration on the part of Kenesary Kasymov. The Russian administration in the documents tries to emphasize Kenesary's connection with foreign powers, which financed the rebellion, supplied him with weapons; to show the sultan's perfidy, the rebel's refusals to comply with the agreements. In their documents, Russian military and administrators try to show that they acted against the rebellious Sultan Kenesary in alliance with the Kazakhs loyal to Russia, who was the majority in the steppe. In this way, a documentary discourse was created and public perceptions were formed that Russia was acting in the interests of the overwhelming majority of Kazakh society.

Keywords: Orenburg, Kazakhs, Siberian Cossacks, Orenburg Border Commission, Kenesary Kasymov, documentary discourse, Vladimir Obruchev

For citation: Prokhorov I.R. History of Kenesary Kasymov's Rebellion in the Documentary Discourse of the 19th Century. *Izvestiya of Altai State University*. 2025. No 2 (142). P. 61–68. (In Russ.). DOI: 10.14258/izvasu (2025)2-08.

Введение

Султан Касым, сын хана Аблая, и его сыновья Саржан и Кенесары стояли во главе политической оппозиции части казахской аристократии, сопротивлявшейся в 1820–1840 гг. устройству в Казахской степи Среднего жуза российских укреплений и системы управления, предусмотренных Уставом о сибирских киргизах. Военные отряды Западно-Сибирского генерал-губернаторства вынудили откочевать мятежного султана, его родственников и сторонников от Кокчетава на юг — к реке Чу и в горы Каратау.

После этого Касым заключил военный союз с Кокандским ханством. Однако от рук правителей этого государства, усомнившихся в верности этой семьи, погиб сначала его сын Саржан, а затем и он сам. Во главе восстания стал другой сын Касыма — Кенесары. Под натиском отрядов сибирских казаков ему пришлось покинуть территорию Области сибирских киргизов (Среднего жуза), откочевать в 1841 г. со сторонниками в ведомство Оренбургского генерал-губернаторства. Здесь мятежный султан пытался найти взаимопонимание с региональными российскими властями, пропагандируя идею о несправедливых нападениях на него сибирских казаков, личной неприязни к нему руководства Западно-Сибирского генерал-губернаторства [1, с. 481].

Переписка Кенесары Касымова с российской администрацией сохранилась в архивах России и Казахстана. В частности, в Российском государственном военно-историческом архиве в фонде 405 отложились письма Кенесары и ответы на них российской администрации, а также оценки действий российскими военными руководителя восстания и его сторонников [2, л. 1–30].

В Государственном архиве города Астаны Республики Казахстан (ГАГА), в частности в фонде 430, имеются материалы об оценках современниками боевых действиях против восставших, а также о нападениях Кенесары на российские укрепления [3, л. 1–18].

Аналогичные материалы собраны в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (ЦГА РК) [4, л. 1–21].

В Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) сосредоточены важные исторические документы, созданные российской администрацией во время восстания [5, л. 1–110].

Различные аспекты восстания Кенесары Касымова затрагивали в своих трудах российские чиновники и военные XIX в., многие из которых были свидетелями событий или общались с их очевидцами. Среди них — Дмитрий Милютин [6], Николай Балкашин [7], Николай Середа [8], Михаил Венюков [9], Алексей Макшеев [10], Михаил Терентьев [11], Лев Мейер [12], Александр Гейнс [13].

В их исследованиях восстания Кенесары Касымова, за редким исключением, не прослеживаются социально-экономические основы: среди его причин на первое место выходит внешний фактор, а именно разносторонняя и длительная поддержка восставших среднеазиатскими государствами — Хивой и Кокандом, Бухарой. В своих исследованиях они также много внимания уделяют военной составляющей конфликта, но недостаточно, на наш взгляд, анализируют его внутренние причины.

Н. Балкашин утверждает: причиной восстания семьи Касымовых стало то, что никто из ее представителей не получил должностей в новой системе управления, предусмотренной Уставом о сибирских киргизах [7, с. 22].

Оренбургский администратор и историк, работавший с документами восстания, Николай Середа выводит на первый план агрессивную политику Хивы, искусственно создававшей недовольство российской властью в Казахской степи [8, с. 71].

Востоковед и чиновник Николай Аристов важнейшую причину восстания видит в ошибочном, на его взгляд, выборе казахской аристократии — чингизидов — как опоры для российской власти в Казахской степи [1, с. 415]. В том же был уверен и генерал-лейтенант М.А. Терентьев, изучавший документы мятежа в туркестанских архивах [11, с. 105]. Аналогичной позиции придерживался крупный туркестанский администратор и исследователь Александр Гейнс, долгое время находившийся в Казахской степи [13, с. 111].

Что же касается современной казахстанской историографии, то ею в начале 1990-х гг. в оценке российской колонизации была выдвинута концепция «абсолютного зла», действующая до настоящего времени [14, с. 108–109]. В июле 1990 г. в Казахстане прошла Всесоюзная научная конференция «Национальные движения в условиях колониализма». Академик Национальной академии наук М.К. Козыбаев заявил на ней о неправильной характеристике восстания Кенесары в советское время как феодально-монархического. Среди казахстанских ученых периода независимости стала утверждаться мысль о необходимости переоценки национальных движений и добровольности присоединения Казахстана к России [15, с. 15]. В последующие годы казахстанские историки двигались в рамках концепции о губительном влиянии российского колониализма на казахов, рассказывали о подавлении российским империализмом национально-освободительного движения Кенесары Касымова [16].

Такая парадигма сохраняется и в наши дни. К примеру, современный казахстанский исследователь Ж.Д. Кусаинова пишет о непреходящем значении личности последнего казахского хана Кенесары Касымова и возглавленного им национально-освободительного

движения казахского народа в 1837–1847 гг. для воплощения идеи национальной государственности [17, с. 66].

В то же время современные казахстанские исследователи показывают, что в документах российских военных и гражданских администраторов первой половины XIX в. особо подчеркивается мирный характер установления российской власти в степи, направленность ее на обеспечение интересов казахов. При этом Кенесары в документах представляется изолированным бунтовщиком, крепко связанным с пройсками враждебных казахам и России государств — Коканда и Хивы. Российская администрация активно продвигала идею совместной борьбы казахов и русских против предателя Кенесары [18, с. 1772.]

В противоречие с официальной казахстанской историографией вступают лишь немногие исследователи. К примеру, Б. Ауельбеков считает, что отношения между самими казахами во время восстания Касымова больше напоминали не заурядные межродовые столкновения, а, скорее, гражданскую войну. Не все казахи выступали против Кенесары, но и не все его поддерживали. Кроме того, вряд ли Кенесары Касымова можно считать борцом с царским колониализмом по той причине, что в его время никакой колонизации Казахстана еще не было [19, с. 64].

Как указывал российский востоковед В.А. Моисеев, в казахской историографии периода независимости утвердились нарративы о том, что национально-освободительная борьба казахского народа на целое столетие отсрочила захват Россией государств и народов Средней Азии. При этом казахскими историками полностью отрицается добровольность вхождения казахов в состав России. Естественно, такие подходы не способствуют установлению доверительных и добрососедских отношений между двумя народами и государствами [20, с. 168].

По убеждению барнаульского исследователя А.А. Асеева, одной из особенностей казахстанской историографии стало не изучение проблематики восстания Кенесары Касымова, а его переоценка без введения новых документов. Общим для трудов такого направления являются оценки выступления султана как национально-освободительного, прогрессивного. В целом, они дают неверное представление о восстании и политике России в Казахстане [21, с. 9].

Современные российские исследователи отмечают, что в процессе колонизации приграничных территорий российской администрацией проводилась гибкая национальная политика. Усилия государства были направлены на обеспечение лояльного отношения к нему местного населения и переселенцев [22, с. 104]. По мнению российских историков Л.М. Дамешека и А.В. Ремнева, для национальных историографий бывших союзных республик наход-

дение в Российской империи лишь тягостный период, в котором просыпалась, зрела, боролась за независимость та или иная нация. Вопрос о мотивации российских властей почти никогда не ставится, видимо потому, что на веру принимается утверждение об их желании сделать жизнь своих нерусских подданных как можно более несносной [23, с. 5]. Таким образом, современные российские историки считают, что интересы местного населения при колонизации все-таки учитывались [24]. Такое утверждение, естественно, противоречит нарративам современной казахской историографии о причинах восстания Кенесары Касымова.

Как заключает томский исследователь В.П. Зиновьев, в отличие от концепции американского фронтира, означавшего борьбу с варварами и их уничтожение, русская модель предполагала «замирение» инородцев и включение их в даннические отношения с российским императором [25, с. 16].

Методы исследования

В данной работе использованы методы анализа текста и дискурса, в частности метод различий, разработанный С. Тичер и М. Мейер, метод критического дискурс-анализа, исторический дискурс-метод Рута Водака [26, с. 35].

В этой связи необходимо отметить: исследователи определяют исторический дискурс как процесс создания смыслов, основанный на истолковании информации, полученной из документальных источников, с целью формирования в обществе необходимой системы ценностей [27, с. 26].

Специалист по дискурсу А. Лубский [28], опираясь на работы Д. Тоша [29] и Р. Барта [30], представляет исторический дискурс как воображаемую ментальную конструкцию. Такая мыслительная конструкция не всегда соответствует реальности, но создает ее в определенных целях, пишет А.П. Миньяр-Белоручева [31, с. 95].

Полученные результаты и их обсуждение

Руководитель восстания против российской власти Кенесары Касымов в 1841 г. в своих письмах Оренбургской администрации, носящих характер политических воззваний, явно рассчитанных на широкую аудиторию, в первую очередь перечислял нападения, совершенные на него отрядами сибирских казаков. Так, он писал, что выступившая из Кокчетавского приказа в 1832 г. команда в числе 250 человек под начальством Петра Николаевича Кулакова задержала султанов Исенгельды и Кучика Касымовых и, взяв их с собой, разграбила род узунцев, причем убито 60 человек. Это случилось на реке Тургае на Кумкичу (Песчаный брод). По словам Касымова, не имея возможности переносить прикосновения и не считая себя виновным, он вынужден

был откочевать в горы Каратау, где и прожил несколько лет [3, л. 4].

Как далее писал султан, при его возвращении нападения на него продолжились. Так, в 1836 г. выступившая из крепости Актау команда из 400 человек разграбила аликинцев, джагалбайлинцев, тока-тлеучевцев и убила 250 человек. Это было на урочище Билеуты на реке Сарысу. В 1837 г. выступившая из Кокчетавского приказа команда в числе 400 человек под начальством Ивана Семеновича Карбышева разграбила аликинцев, калкамановцев и убила 250 человек. В том же году выступившая из крепости Актау команда в числе 500 человек преследовала Кенесары до Улытау, но неудачно [3, л. 5]. Кенесары уверял: все эти события происходили исключительно по причине наговоров на него старшего султана Каркаралинского окружного приказа Ямантая Букеева. В заключение своего послания Кенесары указывал, что теперь Оренбургскому начальству будет известно, какую злобу питают к нему сибиряки, как он безвинно гоним, принужден был спасаться бегством [3, л. 10].

Таким образом, на наш взгляд, Кенесары пытался скрыть в силу политической необходимости свое неприятие российской власти, создать миф об интригах против себя других аристократических семейств чингизидов. Однако Кенесары ничего не писал о своих нападениях, к примеру, на отряд казаков Актауского укрепления, сопровождавший торговый караван в Ташкент, когда более 20 казаков были убиты, а также нападение на само укрепление Актау [2, л. 4]. Не упоминал он и о своей осаде Акмолинского укрепления в июне 1838 г., когда защитникам удалось его отстоять [2, л. 29]. Ранее по дороге в Акмолы из крепости святого Петра восставшими были убиты 9 казаков, перевозивших почту [4, л. 20–21].

Нет в письме Кенесары и упоминаний о других многочисленных нападениях восставших на российские административные и военные центры в Казахской степи, повлекшие гибель военных и гражданских людей [4, л. 160 об.]. Также в его обращении отсутствовали сведения о чинимых им же наказаниях казахов, поддерживавших Россию, стремлении поднять их против русских [4, л. 176–179]. Противостояние было обоюдоострым, но таков был миф о безвинных преследованиях Кенесары в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве.

На самом деле Кенесары не был сторонним наблюдателем упрочения российской власти в Казахской степи. Вот что он, российский подданный, написал начальнику крепости Актау Симонову в 1838 г.: «Почтеннейший майор! Извещаю вас, что причина отложения киргиз [казахов] и ныне существующие военные действия происходят от построения Актауского укрепления. Если со мной хотите быть в мире, то воротитесь обратно и снимите его» [4, л. 4].

Укрепление Актау располагалось в 500 верстах к югу от Акмолинского приказа и обеспечивало безопасную возможность русской караванной торговли со странами Средней Азии. Естественно, ликвидировать его для примирения с Кенесары было нереально.

Итак, вопреки создаваемому им же мифу, предводитель восставших был не безвинной жертвой преследований сибирской администрации, но активным участником вооруженного противостояния в Казахской степи. Устойчивый миф, представлявший Кенесары лишь жертвой противостояния, не соответствует реальности.

О борьбе с мятежом Кенесары в Области сибирских киргизов свидетельствуют документы российских военных и администраторов. К примеру, пограничный начальник сибирских киргизов полковник Вишневецкий 21 апреля 1844 г. докладывал командиру Отдельного Сибирского корпуса генералу Горчакову 2-му о действиях Кургальджинского военного отряда под началом есаула Рыбина и губернского секретаря Сотникова [32, л. 2]. В донесении, в частности, говорится, что есаул Рыбин, посоветовавшись с губернским чиновником Сотниковым, решился атаковать аул, где находились дети Кенесары, прикрыв свой отряд верными казаками и распустив казахское знамя. Воины Кенесары, увидев издали распущенное знамя и полагая, что сам Кенесары возвращается из похода, числом около 500 человек сбежали со всех сторон для его встречи, но, будучи встречены картечью, обратились в бегство. Быстрым натиском отряда казаков и находившихся при нем казахов они были совершенно рассеяны. Захвачена старшая жена Кенесары Кунимжан и много имущества [32, л. 5].

Сведения Кенесары о действиях отрядов сибирского ведомства также подтверждает рапорт заседателя Каркаралинского приказа Шушерина и сотника Реброва Горчакову 2-му о действиях на реках Сарысу и Чу против Кенесары [33, л. 1–10]. Когда Кенесары переслал эти жалобы председателю Оренбургской пограничной комиссии, ему поверили [8, с. 557]. При этом Касым и Кенесары собирали с российских торговцев, находящихся в степи, зякет [34, л. 1].

Впрочем, оренбургской администрации пришлось вскоре пожалеть о своей доверчивости и недалекости. Кенесары начал активные военные действия против российской администрации на территории Области оренбургских киргизов (казахов) и активно агитировал местных казахов противодействовать российской власти.

Для изучения документального дискурса противоборствующих сторон большой интерес представляют архивные материалы о наблюдениях за действиями восставших [35]. В них, к примеру, указывается, что казачий сотник Федоров в апреле 1841 г. докладывал руководству Оренбургской пограничной комиссии содержание очередного послания

Кенесары. Это письмо мятежники передали хорунжему Балгуже в аул на реке Тобол в урочище Ара Казан бисы (4-я дистанция Оренбургской линии). Как они сообщали, предводитель восставших требовал от Балгужи доставить его Оренбургскому военному губернатору Василию Перовскому и начальнику Оренбургской пограничной комиссии Григорию Генсу [35, л. 6]. В нем Кенесары ставил условием заключения мира между ним и Оренбургской администрацией смену всех султанов и дистанционных начальников, находившихся на российской службе. Также он сообщил о своем обязательстве быть преданным Бухаре [35, л. 6-7].

В ответ Оренбургская администрация сделала все возможное, чтобы привлечь колеблющихся казахов на свою сторону, а действия Кенесары в Оренбургском крае представить как мятеж против власти, противоречащий интересам самих казахов. К примеру, следующий после Василия Перовского оренбургский военный губернатор, генерал от инфантерии Владимир Обручев 27 мая 1844 г. обратился с письменным воззванием к оренбургским казахам, распространенным в степи с помощью листовок. Он призывал их не поддерживать Кенесары и разъяснял, что российская администрация действует исключительно в их интересах [5, л. 68].

В его обращении, в частности, говорилось, что правительство долго ожидало раскаяния султана Кенесары Касымова в непокорности и преступных действиях, нарушавших мирную жизнь казахов, но видя, что он продолжает свои злодеяния, вынуждено было принять меры по его усмирению [5, л. 69]. К примеру, оренбургский военный губернатор Обручев 5 июля 1844 г. сообщил пограничной комиссии, что Кенесары, по случаю возвращению на линию посланной против него воинской команды, начал снова грабить и разорять мирные аулы казахов [5, л. 92]. Поэтому военный губернатор предписал подполковнику Лебедеву двинуться с военным отрядом против Кенесары. Султану-правителю Ахмеду Джантюрину он приказал с приверженными России казахами действовать Лебедеву [5, л. 92 об.].

В свою очередь, Оренбургская пограничная комиссия предписала Ахмеду Джантюрину собрать 100 надежных бойцов из казахов во главе с надежным султаном или старшиной и отправить их в Орскую крепость к начальнику 22 пехотной дивизии генерал-лейтенанту Толмачеву [5, л. 93–93 об.].

Российская администрация не жалела сил для привлечения на свою сторону казахов. При этом умело распространялась информация о реальных просчетах восставших. Как свидетельствуют документы, 12 октября 1844 г. задержанный командующим 5-м Оренбургским казачьим полком казах Чока Арлыканов объявил пограничной комиссии: «Зовут меня Чока Арлыканов, от роду 45 лет, киргиз тамин-

ского рода, ведомства старшины Кузембая Аканова. Аул мой располагался между чумекеевцами на Тургаях и близ Троицка, я находился у разных киргизов кипчакского и япаского родов в работниках. Назад тому третий год, когда кочевавшие близ линии чумекеевцы и япасцы увлечены были мятежником Кенесарою на Сыр-Дарью к укреплению Ак-Мечети, я с однородцами в их числе находился. Когда Кенесары с приверженцами убил бия япаского рода Алтыбая и разорил подведомственных ему киргизов, в том числе и я пострадал, лишившись своего малолетнего сына и жены. После того, с бием япаского рода Куламбаем Чуванбаевым я оставил Кенесары, прикочевал к линии. Во время проезда мимо Константиновского укрепления я был остановлен башкирами, стоявшими в пикете. В сообществе с Кенесарой я не участвовал и при допросе меня, когда я был задержан, показывал то же, что и теперь» [36, л. 17, 17 об, 18].

Пограничная комиссия освободила Чоку Арлыканова из-под стражи и отправила его, разоренного Кенесарой и осиротевшего, жить в аул правителя Средней части Оренбургской орды. При этом ему выдали деньги на продовольствие в пути по 6 коп. серебром в сутки, купили тулуп, шапку, шаровары и рукавицы [36, л. 29].

Естественно, этот пример доброты и участия, проявленный Оренбургской пограничной комиссией, а также широко распространяемая российской администрацией информация о том, что Кенесары разгромил ряд казахских родов — своих прежних союзников, действовала на умы казахов в выгодном для правительства направлении. Таким образом развивался миф о всенародной поддержке казахами мятежа Кенесары.

Даже в дни наибольших успехов Кенесары в противостоянии с российской администрацией не все казахи переходили на его сторону, что не могло не привлечь внимания и одобрения оренбургских властей. Эти события, конечно же, отразились и в документах, производили выгодное впечатление в информационной борьбе с мятежником.

К примеру, в Оренбургскую пограничную комиссию в 1844 г. поступили сведения о том, что бий аргынского рода Чиген Мусин, которого приглашал к себе в союзники Кенесары, отказался сотрудничать с ним, откочевал с приверженцами к реке Тобол от предстоящей опасности. По этой же причине откочевал к Тоболу и заседатель Аман-Карагайского приказа Язы Янов со своими родственниками и сторонниками [34, л. 2].

Между тем верные России казахи сообщали: мятежник табынского рода Джоломан, сообщник Кенесары, находился в большой нищете. Это происходило потому, что он в страхе понести наказание постоянно менял места своих кочевков и уже лишился почти всего скота. При этом часть табынцев отде-

лилась от Джоламана и ушла на прежние места кочевания [34, л. 5].

Конечно, такие сообщения о злключениях и бедах приверженцев главного мятежника использовались администрацией в информационной войне против Кенесары. В документах также содержатся распоряжения о выплатах пожизненных пособий семьям убитых казахов, служивших в отряде полковника Дуниковского [37, л. 4].

С другой стороны, российские власти стремились переложить, хотя бы частично, тяжесть борьбы с Кенесары, в том числе финансовую, на самих казахов. К примеру, император Николай I приказал заявленные Оренбургским военным губернатором расходы по снаряжению отряда войск — четырнадцать тысяч сорок рублей серебром — отнести на счет состоявшего в ведении Министерства иностранных дел кибиточного сбора с казахов [5, л. 38]. Следовательно, с Кенесары воевали в том числе и на деньги, собранные с казахов. Впрочем, на эти же деньги содержали и казахских султанов-правителей, перешедших на сторону России.

Председатель Оренбургской пограничной комиссии Михаил Ладыженский требовал от Кенесары выдать всех пленных русских и немедленно удалиться в Каракумы, на кочевки, указанные русским начальством, где впредь до приказа «оставаться в совершенном спокойствии», не трогаясь оттуда без особого разрешения Оренбургской пограничной комиссии, не выдвигая никаких требований к подвластным России казахам [38, л. 35].

Только в этом случае, указывал председатель Оренбургской пограничной комиссии, Кенесары сможет рассчитывать на новое снисхождение правительства [38, л. 36].

Впрочем, несмотря на продолжавшуюся переписку о путях достижения спокойствия в Степи, правители Хивы по-прежнему требовали с подвластных России казахов дань, о чем и сообщали в своих письмах представителям российской власти [39, с. 7]. Такая ситуация в очередной раз убеждала российскую администрацию в бессмысленности ведения пе-

реговоров об установлении мира и своего влияния в Степи с мятежным султаном. Переговоры об этом нужно было вести непосредственно со среднеазиатскими государствами.

Выводы

1. Изучение документов российской администрации, связанных с мятежом Кенесары Касымова, а также писем и обращений самого предводителя восставших, показывает, что они носили не только утилитарный, узкопрактический характер, но и были нацелены на создание ментальных конструкций для их читателей, формировали общественные установки.

2. Кенесары использовал переписку с российскими властями в качестве открытой политической трибуны для пропаганды своих взглядов. Стиль документов указывает, что они предназначались для массовой аудитории.

3. Кенесары в ряде своих посланий пытался представить свое восстание как результат интриг против него других влиятельных в Степи султанов, однако ничего не говорил о собственных нападениях на российские опорные пункты и верных России казахов.

4. В документах действия преданных России казахов представлялись властями как образцы для подражания другим влиятельным представителям степного общества. Таким образом, посредством документов формировались идеологические установки о необходимости совместного противостояния русскими и казахами мятежу Кенесары.

5. Позиция, занятая Кенесары в Оренбургском крае в 1840-е гг., никак не соответствовала ожиданиям российского военного и политического руководства сделать этого непокорного, но влиятельного чингизида обыкновенным земским чиновником, которыми становились султаны на российской службе. В этой связи, несмотря на продолжавшуюся переписку с султаном, российская администрация все больше убеждалась в необходимости подавления мятежа вооруженным путем, а не переговорами.

Библиографический список

1. Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. — Бишкек : Илим, 2001. 582 с.

2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 405. Оп. 6. Д. 1569.

3. Государственный архив города Астаны. Республика Казахстан (ГАГА). Ф. 430. Оп. 2. Д. 8.

4. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 338. Оп. 1. Д. 1.

5. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 222. Оп. 1. Д. 11.

6. Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864 / под ред. Л.Г. Захаровой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 688 с.

7. Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб. : типография Министерства внутренних дел, 1887. 59 с.
8. Середа Н. Бунт киргизского султана Кенесары Касымова (1838-1847) // Вестник Европы. 5, 6 год. СПб., 1871. № 8.
9. Венюков М. Общий обзор постепенного расширения русских пределов в Азии и способов обороны их // Военный сборник. 1872. № 2. 144 с.
10. Макшеев А.М. Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб. : Военная типография (в здании Главного штаба), 1869. 257 с.
11. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб. : Типо-литография В.В. Комарова, 1906. 510 с.
12. Киргизская степь Оренбургского ведомства / сост. Генерального штаба подполковник Л. Мейер. (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 10). СПб. : типография Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. 382 с.
13. Гейнс А.К. Дневник 1865 года. Путешествие по Киргизским степям. Собрание литературных трудов. Т. 1 СПб. : типография М.М. Стасюлевича, 1897. 589 с.
14. Абселемов С.А. Современная российская историография колонизации Степного края во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 108–117.
15. Ибраев Г.М. Российская и советская историография о восстании Кенесары Касымулы // Молодой ученый. 2018. № 14.1 (200.1). С. 11–12.
16. Аубакирова Х.А. Участие сибирского казачества в подавлении национально-освободительного движения казахского народа под предводительством султанов Саржана и Кенесары Касымовых (1824–1847 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Астана, 2000. 130 с.
17. Кусаинова Ж.Д. Национально-освободительное движение казахского народа под предводительством Кенесары Касымова: вопросы методологии изучения // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. 2017. № 1(85). С. 58–66.
18. Kapyshev A.K., Prokhorov I.R., Svinarchuk A.I. The Uprising of Kenesara Kasimov in the Historical Discourse of the Russian Military and Researchers of the XIX — Early XX Centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(4). P 1766–1775.
19. Ауельбеков Б. О колонизации Казахстана и восстании Кенесары Касымова // Мысль. 2012. №7. С. 62–67.
20. Моисеев В.А. Россия — Казахстан: современные мифы и историческая реальность : сборник науч. и публицист. ст. Барнаул : Азбука, 2001. 172 с.
21. Асеев А.А. Политика России в отношении восстания Кенесары Касымова 1837–1847 гг. (региональный аспект) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 23 с.
22. Рахимов Р.Н. Оренбургская и сибирские пограничные линии в XVIII — первой половине XIX в. как юго-восточный и восточный фронтиры России // Вестник Томского государственного университета. 2013. Вып. 10 (126). С. 104–112.
23. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М. : НЛЮ, 2007. 368 с.
24. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. Омск : Наука, 2013. 248 с.
25. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Азиатской России по данным переписи 1897 г. Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2024. — 210 с.
26. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса / пер. с англ. Харьков : Гуманитарный Центр, 2009. 356 с.
27. Мусаева Е.М. Когнитивный анализ способов метафорического представления концепта в историческом нарративном дискурсе (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1997. 32 с.
28. Лубский А.В. Дискурс исторический // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь. М. : Аквилон, 2014. 576 с.
29. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М. : Весь мир, 2000. 293 с.
30. Барт Р. Дискурс истории // Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
31. Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса // Язык и текст langpsy.ru : Электронный журнал. 2015. Т. 2, № 2. С. 8–16.
32. ГАГА. Ф. 430. Оп. 6. Д. 6.
33. ГАГА. Ф. 430. Оп. 5. Д. 1.
34. ГАГА. Ф. 430. Оп. 4. Д. 37.
35. ГАГА. Ф. 430. Оп. 4. Д. 38.
36. ГАОО. Ф. 222. Оп. 1 Д. 12.
37. ГАГА. Ф. 430. Оп. 4. Д. 40.
38. ЦГА РК. Ф.4. Оп. 1. Д. 4347.
39. История Казахстана в документах и материалах : альманах. Вып. 3. Караганда : Экожан, 2013. 496 с.

References

1. Aristov N.A. *Usuni and the Kyrgyz or Kara-Kyrgyz. Essays on the History and Life of the Population of the Western Tien Shan and Research on Its Historical Geography*. Bishkek : Ilim, 2001. 582 p. (In Russ.).
2. *The Russian State Military Historical Archive* (RGVIA). F. 405. Op. 6. D. 1569. (In Russ.).
3. *The State Archive of Astana. The Republic of Kazakhstan* (GAGA). F. 430. Op. 2. D.8. (In Russ.).
4. *The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan* (CGA RK). F.338. Op. 1. D. 1. (In Russ.).
5. *The State Archive of the Orenburg Region* (GAOO). F. 222. Op. 1. D. 11. (In Russ.).
6. Milyutin D.A. *Memoirs. 1863-1864.* / Edited by L.G. Zakharova. Moscow : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2003. 688 p. (In Russ.).

7. Balkashin N.N. *About the Kyrgyz and Generally about Muslims Subject to Russia*. St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Internal Affairs. 1887. 59 p. (In Russ.).
8. Sereda N. Revolt of the Kyrgyz Sultan Kenesary Kasimov (1838–1847). *Bulletin of Europe*. 5th, 6th Year. St. Petersburg, 1871, No. 8. (In Russ.).
9. Venyukov M. A. General Review of the Gradual Expansion of Russian Borders in Asia and Ways of Their Defense. *Military Collection*. 1872. No. 2. 144 p. (In Russ.).
10. Maksheev A.M. *Travels through the Kyrgyz Steppes and the Turkestan Region*. St. Petersburg, 1869. 257 p. (In Russ.).
11. Terentyev M.A. *History of the Conquest of Central Asia*. Vol. 1. Typo-lithography of V.V. Komarov. St. Petersburg., 1906. 510 p. (In Russ.).
12. *The Kyrgyz Steppe of the Orenburg Department* / Comp. Lieutenant Colonel L. Meyer of the General Staff. (Materials for Geography and Statistics of Russia, Collected by Officers of the General Staff. Vol. 10). St. Petersburg : Printing House of E. Weimar and F. Persona, 1865. 382 p. (In Russ.).
13. Gaines A.K. *Diary of 1865. A Journey through the Kyrgyz Steppes*. *Collection of Literary Works*. Vol. 1. St. Petersburg: Printing House of M.M. Stasyulevich, 1897. 589 p. (In Russ.).
14. Abselemov S.A. Modern Russian Historiography of Colonization of the Steppe Region in the Second Half of the 19th — Early 20th Century. *Tomsk State University Journal*. 2020. No. 452. P. 108–117. (In Russ.).
15. Ibraev G.M. Russian and Soviet Historiography about the Uprising of Kenesary Kasymuly. *Molodoi Uchenii*. 2018. No. 14.1 (200.1). P. 11–16. (In Russ.).
16. Aubakirova H.A. *Participation of the Siberian Cossacks in the Suppression of the National Liberation Movement of the Kazakh People Led by Sultans Sarzhan and Kenesary Kasimov (1824–1847)*: History Cand. Diss. Astana. 2000. 130 p. (In Russ.).
17. Kusainova J.D. *The National Liberation Movement of the Kazakh People under the Leadership of Kenesara Kasimov: Issues of Research Methodology*. Bulletin of the Karaganda University. The Series "History. Philosophy". № 1(85)/2017. P. 58–66 (In Russ.).
18. Kapyshv A.K., Prokhorov I. R., Svinarchuk A.I. The Uprising of Kenesara Kasimov in the Historical Discourse of the Russian Military and Researchers of the 19th — Early 20th Centuries. *Bylye Gody*. 2024. 19(4). P. 1766–1775.
19. Auelbekov B. On the Colonization of Kazakhstan and the Uprising of Kenesary Kasimov. *Thought*. 2012. No. 7. P. 62–67. (In Russ.).
20. Moiseev V.A. *Russia — Kazakhstan: Modern Myths and Historical Reality*. *Collection of Scientific Papers*. Barnaul: Azbuka, 2001. 172 p. (In Russ.).
21. Aseev A.A. *Russia's Policy in Relation to the Uprising of Kenesary Kasimov in 1837–1847 (Regional Aspect)* : Synopsis of History Cand. Diss. Barnaul, 2004. 23 p. (In Russ.).
22. Rakhimov R.N. Orenburg and Siberian Border Lines in the 18th — the First Half of the 19th Century. As the South-eastern and Eastern Frontiers of Russia. *Tomsk State University Journal*. 2013. Issue 10 (126). P. 104–112. (In Russ.).
23. *Siberia as Part of the Russian Empire* / Ed. by L.M. Dameshek, A.V. Remnev. Moscow: UFO, 2007. 368 p. (In Russ.).
24. Remnev A.V., Suvorova N.G. *Colonization of Asian Russia: Imperial and National Scenarios of the Second Half of the 19th — Early 20th Century*. Omsk: Nauka Publ., 2013. 248 p. (In Russ.).
25. Zinoviev V.P. *Interethnic Division of Labor in Asian Russia According to the 1897 Census*. Tomsk : TSU Publishing House, 2024. 210 p. (In Russ.).
26. Ticher S., Meyer M., Vodak R., Vetter E. *Methods of Text and Discourse Analysis*. Kharkiv : Publishing House Humanitarian Center, 2009. 356 p. (In Russ.).
27. Musaeva E.M. *Cognitive Analysis of the Ways of Metaphorical Representation of the Concept in Historical Narrative Discourse*. Philology Cand. Diss. St. Petersburg, 1997. 32 p. (In Russ.).
28. Lubsy A.V. Historical Discourse. *Theory and Methodology of Historical Science: Terminol. Dictionary*. Moscow : Aquilon, 2014. 576 p. (In Russ.).
29. Tosh D. *The Pursuit of Truth. How to Master the Skill of a Historian*. Moscow : The Whole World, 2000. 293 p. (In Russ.).
30. Bart R. Discourse of History. *Fashion System. Articles on the Semiotics of Culture*. Moscow : Publishing House Sabashnikov, 2003. 512 p. (In Russ.).
31. Minyar-Beloruicheva A.P. Typology of Historical Discourse. *Electronic Journal "Language and Text Langpsy.ru"* 2015. Vol. 2. No. 2. P. 8–16. (In Russ.).
32. GAGA. F. 430. Op. 6. D. 6. (In Russ.).
33. GAGA. F. 430. Op. 5. D. 1. (In Russ.).
34. GAGA. F. 430. Op. 4. D. 37. (In Russ.).
35. GAGA. F. 430. Op. 4. D. 38. (In Russ.).
36. GAOO. F. 222. Op. 1, D. 12. (In Russ.).
37. GAGA. F. 430. Op. 4, D. 40. (In Russ.).
38. CGA RK. F.4. Op. 1. D. 4347. (In Russ.).
39. *History of Kazakhstan in Documents and Materials: An Almanac*. Vol. 3. Karaganda : Ekozhan, 2013. 496 p. (In Russ.).

Информация об авторе

И.Р. Прохоров, кандидат исторических наук, архивист, Национальный архив Республики Казахстан, Астана, Казахстан.

Information about the authors

I.R. Prokhorov, Candidate of Historical Sciences, Archivist, National Archives of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan.